

Заозерский Н. А. Исследования в области русской науки канонического права. [Рец. на:] *Красножен М.* Толкователи канонического кодекса восточной церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892 // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 6. С. 572–586 (2-я пагин.)

Исслѣдованія въ области русской науки каноническаго права ¹⁾.

М. Красноженъ: Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. М. 1892 г.

Совершенно специальное изслѣдованіе, содержащее кромѣ обозначенныхъ въ заглавіи предметовъ еще слѣдующія матеріи: краткій историческій очеркъ канонической кодификаціи за вѣка VI—IX; исторію синоксиса каноновъ; о древнихъ схоляхъ на отдѣльные правила и отношеніе къ этимъ схолямъ Аристина, Зонары и Вальсамона, и, въ концѣ книги—приложенія: 1) греческій текстъ синоксиса каноновъ съ именемъ Стефана Ефесскаго по рукописи Вѣнской бібліотеки; 2) древнія греческія схоли къ правиламъ по рукописи Мюнхенской бібліотеки.— Эти прибавленія къ главному содержанию книги составляютъ какъ бы необходимую его обстановку, указывая собою обстоятельства, побужденія и задачи, какія должны были выполнить три названные канониста въ своихъ комментаторскихъ трудахъ. Первая изъ этихъ второстепенныхъ матерій представляетъ собою очень сжатый очеркъ происхожденія каноническихъ и номоканоническихъ сборниковъ, развившихся постепенно до полноты и законченности въ синтагму и номоканонъ патріарха Фотія. Два послѣднихъ произведенія и послужили предметомъ схолій сначала безыменныхъ глоссаторовъ, а потомъ въ XII в. украсились полными толкованіями Зонары и Вальсамона. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о древнихъ

¹⁾ См. Апрѣльскую книжку Богослов. Вѣстника.

схольяхъ, равно какъ и сужденія его объ отношеніи къ этимъ схольямъ толкованій Аристина, Зонары и Вальсамона обоснованы главнымъ образомъ на самостоятельномъ изученіи рукописей Мюнхенской и Вѣнской библиотекъ. Въ этомъ пунктѣ книга автора дѣлаетъ важныя исправленія и дополненія того и къ тому, что доселѣ высказывалось по этому предмету въ курсахъ церковнаго права. Такого же характера и трактатъ автора о каноническомъ синопсисѣ (стр. 18—28). Русская наука Каноническаго права съ признательностію должна отнести къ этому трактату автора, равно какъ и къ изданному имъ въ приложеніи тексту синопсиса Стефана Ефесскаго: ибо этими трудами своими авторъ восполнилъ пробѣлъ доселѣ въ русской наукѣ существовавшій. Да и въ западной литературѣ по этому предмету давали только краткія свѣдѣнія извѣстная монографія Бинера: *De Collectionibus canonum ecclesiae graecae*. Berolini 1827 и нѣкоторыя *prolegomena* издателей памятниковъ каноническаго права. По объему эти части книги Г. Красножена не велики, но они—результатъ тяжелаго труда, на который могли подвигнуть автора только навѣкъ къ труду и интересъ, внушенный проникновеніемъ въ задачи и требованія избранной имъ специальности.

Усердно авторомъ изучены комментаріи названныхъ византійскихъ канонистовъ; характеристики ихъ въ общемъ обстоятельны и вѣрны. Но здѣсь трудъ автора былъ сравнительно легче: такъ какъ подъ руками у него былъ готовый русскій переводъ толкованій.

Книга вообще составлена основательно и какъ ученая монографія по праву найдетъ себѣ вниманіе въ курсахъ каноническаго права.

Но при своихъ достоинствахъ, она возбуждаетъ иногда основательное сомнѣніе относительно вѣрности нѣкоторыхъ положеній, хотя и выраженныхъ категорически, и вызываетъ въ читателѣ потребность обратиться къ автору за нѣкоторыми дополненіями. Такъ:

1) Авторъ очень рѣшительно утверждаетъ, что Іоаннъ Зонара написалъ свои толкованія послѣ толкованій Аристина я „несомнѣнно“ жилъ и писалъ ихъ даже при императорѣ Мануилѣ Комнинѣ (1143—1180). Правда, такое рѣшительное сужденіе онъ подтверждаетъ аргументами: но,

во 1-хъ, эти аргументы— не его, а чужіе, и имъ не провѣренные, и во 2-хъ они—таковы, что даютъ основаніе для *вѣроятнаго* только предположенія, но отнюдь не для категорическаго утвержденія.

Вотъ эти аргументы:

Аргументъ 1-й:

„Какъ хроника, такъ и всѣ другія сочиненія Зонары написаны имъ въ монашествѣ; въ монашество же онъ поступилъ никакъ не при Алексѣ Комнинѣ: некрологъ этого императора онъ писалъ *по личнымъ воспоминаніямъ* слѣдов. *нагодился еще тогда при дворѣ*; не могъ бы онъ описывать и современныхъ Алексѣю Комнину придворныхъ событій, если бы удалился уже тогда на уединенный островъ. *Едва ли принялъ Зонара монашество и вскорѣ по смерти Алексѣя Комнина*, такъ какъ *зналъ событія* изъ временъ *слѣдующаго императора*. *Можетъ даже быть*, что Зонара *не былъ монахомъ и въ 1156 году*: по крайней мѣрѣ на соборѣ этого года въ числѣ присутствовавшихъ придворныхъ чиновъ упоминается *μεγαλειφαιστάτος πρωτοσκηφῆτις Νικόλαος ὁ Ζωναράς*, а это *можетъ быть* и есть историкъ и канонистъ Зонара подъ своимъ мірскимъ именемъ“, (Стр. 60—61).

Какъ видно изъ самаго строя рѣчи этого аргумента, весь онъ состоитъ изъ *предположеній*. Предположенія же сіи ниспровергаются показаніемъ самого Зонары въ послѣдней страницѣ его хроники. Описавъ кончину и погребеніе Алексія Комнина и представивъ сжатую и общую характеристику его, Зонара такъ оканчиваетъ свою хронику: „здѣсь и да будетъ конецъ моему писанію, и да остановится теченіе исторіи, зашедшее такъ далеко: ибо предавать письмени *теперь совершающееся* (*δοῦναι γὰρ γραφήν νυνὶ καὶ τὰ λείποντα*) мнѣ кажется и бесполезно, и не благовременно“.

Изъ этого показанія видно, что хроника Зонары *дописана была* въ первые годы царствованія Іоанна Комнена (А когда начата? — Безъ сомнѣнія еще въ царствованіе Алексѣя Комнина: ибо она—трудъ, весьма большой), и что въ это время Зонара былъ уже монахъ (ибо, какъ сей часъ увидимъ онъ въ монашествѣ уже началъ писать и *первые строки своей хроники*).

Аргументъ 2-й:

„Хроника не была—читаемъ у Г. Краспожена—однимъ изъ послѣднихъ предсмертныхъ трудовъ Зонары; на оборотъ, это былъ *первый* литературный трудъ знаменитаго канониста послѣ его постриженія въ монашество. Указанія на то мы находимъ въ предисловіи къ самой хроникѣ, гдѣ авторъ говоритъ о потерѣ жены и дѣтей, какъ о причинѣ своего отшельничества, о томъ, что до сихъ поръ онъ *находился въ бездѣйствіи и не чувствовалъ въ себѣ силы по просьбѣ* друзей взяться за перо и книги. Это показываетъ въ писателѣ *еще недавняго монаха*, который въ первый разъ принимается за литературную работу. Если же считать доказаннымъ, что хроника была первымъ литературнымъ трудомъ Зонары, то необходимо предположить, что послѣ написанія ея онъ прожилъ *еще довольно долго*, пототому что оставилъ кромѣ нея нѣсколько другихъ обширныхъ сочиненій (напр. лексиконъ, толкованія по синтагму церковныхъ правилъ и др.“) (стр. 61).

Предисловіе говоритъ дѣйствительно нѣчто подобное, но не со всѣмъ то, а именно слѣдующее: „Очень мѣтко кто-нибудь скажетъ въ насмѣшку мнѣ, что я занятъ *дѣлами внѣшними* болѣе, чѣмъ *необходимыми*. Поелику надлежало мнѣ, какъ по истинѣ отказавшемуся отъ прежней дѣятельности, удалившемуся отъ смятеній, переселившемуся отъ міра, самовольно бросившему жизнь и осудившему самого себя на вѣчную ссылку (такъ Устроившему о насъ и за насъ, послѣ узы мои Онъ растерзалъ, лишивъ меня близкихъ моихъ, съ какимъ памѣреніемъ—Онъ знаетъ,—хотя и къ горести для меня, однако же на пользу),—надлежало мнѣ не принимать участія ни въ чемъ иномъ, кромѣ того, что устрояетъ душу, очищаетъ отъ сквернъ, причиненныхъ ей злобою (прежнихъ) дѣяній, и что умилостивляетъ Бога въ томъ, въ чемъ я прогнѣвалъ Его, преступивъ заповѣди Его и оправданія, и искать такимъ образомъ прощенія грѣховъ. Я же нерадиво расположенный къ необходимому дѣлу (*ἔργον*) по косности къ добру,—простеръ ревность о дѣлѣ постороннемъ (*παρέργον*). Но—да скажу нѣчто и въ свое оправданіе—я не по собственному побужденію предпринялъ этотъ трудъ. Друзья мои побуждали меня къ сему, видя, что я имѣю досугъ и говоря, что до-

сугъ долженъ быть употребляемъ на дѣло общепольное и мнѣ самому имѣющее доставить отъ Бога воздаяніе“¹⁾. Каждое слово здѣсь говоритъ кажется о томъ, что пишущій—не *новый* монахъ, а уже вполне освоившійся съ своимъ положеніемъ старецъ, для котораго самое первое дѣло—духовное созерцаніе и молитва, а интересъ мірекою жванію, съ которою у него уже порвана связь,—долженъ быть чуждъ ему.

Но если это такъ, то представляется весьма мало вѣроятнымъ дальнѣйшее завѣреніе книги г. Красножена (аргументъ 3-й): „Зонара *несомнѣнно жилъ и писалъ* даже при Мануилѣ Комнинѣ (1143—1180), такъ какъ въ толкованіяхъ на Синтагму церковныхъ правилъ и въ другихъ сочиненіяхъ его встрѣчаются указанія на такія обстоятельства, которыя *могутъ быть* отнесены къ опредѣленнымъ годамъ правленія этого императора“²⁾. Если Зонара и въ началѣ царствованія Іоанна Комнина высматривалъ опытнымъ старцемъ-монахомъ (въ своей хроникѣ), то завѣреніе, что онъ *жилъ и писалъ* даже при Мануилѣ Комнинѣ дѣлаетъ необходимымъ приписать ему весьма исключительное долгодѣтіе.

Намъ же думается, что въ самыхъ комментаріяхъ Зонары есть мѣста, свидѣтельствующія, что онъ писалъ ихъ *не послѣ* хроники, а одновременно съ нею, или даже ранѣе ея. Съ точки зрѣнія Зонары правила церковныя суть такое же откровеніе божественной мысли, какъ и священное писаніе, посему естественно предположить, что сдѣлавшись монахомъ, Зонара на первыхъ порахъ охотнѣе отдался изученію правилъ и составленію толкованій къ

¹⁾ Patrolog. Minge, T. 133.

²⁾ Въ подтвержденіе этого подъ строкою указываются и эти обстоятельства“ и затѣмъ отъ себя уже г. Красноженъ говоритъ слѣдующее: „*Возраженія противъ того, что упомянутыя здѣсь обстоятельства должны быть отнесены къ эпохѣ царствованія Мануила Комнина были сдѣланы въ „Печатномъ письмѣ къ А. С. Павлову“ (покойнаго Прессващ. Алексія, Архіепископа Литовскаго): но доводы, приведенные въ этомъ письмѣ не ослабляютъ мнѣнія высказаннаго Проф. Павловымъ“.* (стр. 62). Столь отважная рѣшительность приговора въ устахъ молодаго ученаго едва ли убѣдитъ кого въ его основательности.

нимъ, чѣмъ составленію своей хроники ¹⁾. Въ своихъ комментаріяхъ Зонара дов. не рѣдко указываетъ на разныя явленія церковной жизни своего времени: эти явленія при помощи хроники его—можно удобно относить къ царствованію Алексѣя Комнина и предшествовавшихъ императоровъ. Напр. въ комментаріи къ 98-му правилу Трулльскаго собора Зонара говоритъ: „*нынѣ* обрученіе равносильно браку по силѣ новеллы императора, господина Алексѣя Комнина“. Упомянутая здѣсь новелла издана въ Іюль 1084 года. Въ толкованіи къ 7-му правилу Неокесар. собора Зонара говоритъ: видали мы и патріарха, и разныхъ митрополитовъ принимавшихъ участіе въ брачномъ пирѣ второбрачнаго императора“.—О царствованіи императора Никифора Вотаніата (1078) въ хроникѣ Зонары читаемъ слѣдующее: „Когда у сего императора умерла супруга, многія дѣвицы искали возможности выдти за него замужъ и болѣе всѣхъ—Зоя, дочь императора Дуки. Но онъ хотѣлъ жениться на бывшей императрицѣ Евдокіи, или же на Маріи, женѣ своего предшественника. Итакъ онъ посылаетъ къ Евдокіи, которая, говорятъ, не отказывалась отъ предложенія, но противъ этого брака, какъ противозаконнаго, возстали нѣкоторые монахи. Тогда онъ приводитъ императрицу Марію—жену своего предшественника, отнюдь не менѣе прегрѣшая, какъ если бы привелъ и Евдокію: ибо это было дерзкимъ, безстыднымъ прелюбодѣяніемъ, посему и совершившій благословеніе брака—этимъ самымъ уже сдѣлался чуждъ священства“. Въ толкованіи къ 3-му прав.

¹⁾ Въ предисловіи къ своимъ комментаріямъ къ правиламъ Зонара говоритъ: Разумѣніе словесъ Твоихъ просвѣтитъ и дастъ разумъ юнымъ—говорилъ къ Богу пророкъ и богоотецъ Давидъ. Но слово же Божіе по всей справедливости уразумѣетъ и тотъ, кто уразумѣетъ опредѣленія св. Апостоловъ „св. Отцовъ: послѣдуя оныя установили вдохновенные и наученные Божественнымъ Духомъ. Посему сдѣлавшій объясненіе священныхъ правилъ и, раскрывъ разумъ ихъ, сдѣлавшій ихъ удобопонятными, по истинѣ принесъ просвѣщеніе тѣмъ, кои, простоты ради и необразованности нравовъ, суть какъ бы дѣти, неспособныя проникать въ глубину священныхъ правилъ. Вслѣдствіе сего *надлежало и мнѣ* взяться за это дѣло, какъ имѣющее принести пользу можетъ быть многимъ... И никто да не осуждаетъ меня за дерзость: потому что не самъ собою взялся я за это дѣло, но я повиновался убѣжденіямъ другихъ и отдался этому труду, дабы не подвергнуться укоризнѣ *въ непослушаніи*“.

IV Всел. собора Зонара говоритъ: „и *донынѣ* это зло (устроение духовными лицами мирскихъ дѣлъ) бываетъ и никто онаго не пресѣкаетъ: ни царь, ни патріархъ, ни епископъ. Въ пренебреженіи оставляется толикое количество правилъ, и съ лицами, подлежащими въ силу этихъ правилъ изверженію, вмѣстѣ служатъ и *имѣютъ общеніе патріархи и епископы*“. Въ хроникѣ Зонары мы находимъ слѣдующія мѣста, вполне оправдывающія это негодованіе Зонары на свое время: 1) „Сей императоръ (Н. Востаніатъ) — гов. Зонара — отчасти по преклонности лѣтъ, отчасти отъ природной тупости почти вовсе не касался дѣлъ управленія, но призвалъ митрополита Сидскаго и ему поручилъ попеченіе объ общественныхъ дѣлахъ“¹⁾. 2) „Императоръ (Михаилъ Дука 1071) неспособный къ управленію государствомъ приставилъ къ дѣламъ митрополита Сидскаго Іоанна—скопца, челоувѣка весьма дѣятельнаго“²⁾ Въ толкованіи къ 28 правилу IV Всел. собора Зонара говоритъ: выраженіе — „имѣть равныя преимущества“ употреблено ради царской власти *и синклита, хотя нынѣ первая перешла въ тираннію, а послѣдній стѣсненъ и потерялъ всякое значеніе*“. Если принять во вниманіе описаніе Зонары вступленія на престолъ императора Алексія Комнина I-го и первыхъ шаговъ его дѣятельности, за тѣмъ краткую характеристику этого императора, которою оканчивается хроника Зонары: то, кажется, и сомнѣнія не можетъ возникнуть, что вышеозначенное *ver* относится ко временамъ Алексія Комнина, и что, слѣдов., комментарий Зонары къ 28 прав. IV Всел. собора написанъ былъ въ царствованіе императора Алексія Комнина I-го (т. е. до 1118 г.). Вступленіе на престолъ императора Алексія Комнина Зонара описываетъ такъ: „Овладевъ Константинополемъ дозволили своимъ полчищамъ обходиться съ мирными гражданами такъ, какъ свойственно врагамъ отечества. Зло простерлось до кровопролитія; дѣвы, Богу посвященныя, подверглись безчестію, замужнія женщины—оскверненію; украшенія храмовъ божіихъ подверглись расхищенію; непощажены были даже священные сосуды: не обузданно дерзно-

1) Хроника, XVIII, 19.

2) Ibid. XVIII, 16.

венные люди расхищали и ихъ, и священныя фѣалы, наполненные безкровной жертвой, проливая святое на землю. Попадавшихся на встрѣчу сенаторовъ стаскивали съ лошадей, снимали съ иныхъ одежды и полунагими и пѣшими заставляли идти по улицамъ. И это продолжалось цѣлый день публично и всенародно“.... „овладѣвъ столицей и еще не вступивъ твердою ногою на тронъ (т. е. не вѣнчавшись на царство) Комнины многое, постановленно Н. Вотаніатомъ по власти императора, уничтожили письменно, взмахомъ пера, тиранически (*γράμματι βραχυβύλλαρον, τυραννικῶς*)¹⁾. Какъ императора вообще, Зонара характеризуетъ Алексія Комнина слѣдующимъ образомъ: „Императору надлежитъ уважать справедливость, пешись о подданныхъ и соблюдать древніе обычаи и установленія. А онъ между тѣмъ болѣе всего старался о томъ, чтобы измѣнять и отмѣнять старые обычаи; имуществами государственными пользовался не какъ общими и публичными, а какъ своими, и себя почиталъ не управителемъ ихъ, а собственникомъ (*οὐκ οἰκονομοῦν... ἀλλὰ δεσπότην*). императорскія палаты считалъ и называлъ своимъ собственнымъ домомъ. *Сенаторовъ онъ не удостоивалъ чести по праву имъ принадлежащей, а напротивъ старался ихъ унижить*. Онъ и во всемъ не соблюдалъ правила справедливости, которой свойственно *Suum cuique tribuere* по заслугамъ. Напротивъ своимъ родственникамъ и нѣкоторымъ слугамъ онъ жаловалъ общественныя деньги цѣлыми фурами и одарялъ ихъ щедрыми годовыми доходами, такъ что они владѣли несмѣтнымъ богатствомъ и содержали свиту, приличную не частнымъ лицамъ, а императорамъ, и воздвигали зданія величиною равныя городамъ, а красотою не уступавшія императорскимъ дворцамъ; прочимъ же изъ благородныхъ онъ не оказывалъ подобающей чести, дабы не сказать болѣе худшаго, щадя сего мужа“²⁾.

Но „благородный“ Зонара не могъ бы написать вышеприведенныхъ словъ въ своемъ комментарий къ 28 пров. IV Всел. собора, если бы писалъ его въ царствованіе *Іоанни* Комнина. Никита Хоніатъ не менѣе Зонары стро-

1) Chronik. L. XVIII, 21.

2) Chronik, XVIII, 29.

гій въ своихъ характеристикахъ византійскихъ императоровъ, говоритъ о немъ слѣдующее: „Іоанна и до сихъ поръ (XIII в.) всѣ прославляютъ хвалами и считаютъ такъ сказать вѣнцомъ всѣхъ царей; возсѣдавшихъ на византійскомъ престолѣ изъ рода Камниновъ. Но и по отношенію ко многимъ изъ древнихъ и лучшихъ императоровъ можно сказать, что онъ съ одними изъ нихъ сравнялся, а другихъ даже превзошелъ... Это былъ человѣкъ, который и царствомъ управлялъ превосходно, и жилъ богоугодно... Какъ убійственную заразу онъ изгналъ изъ царскаго дворца празднословіе и чрезмѣрную роскошь въ одеждѣ и столѣ и желая, чтобы всѣ домашніе подражали ему онъ не переставалъ упражняться во всѣхъ видахъ воздержанія“ ¹⁾. Вообще императоръ Іоаннъ даже по отзыву Гиббона, „столь далекаго отъ всякой лести византійскимъ императорамъ, въ нравственномъ отношеніи былъ строгъ къ самому себѣ и снисходителенъ къ другимъ; онъ былъ цѣломудренъ и воздержонъ; и даже Маркъ Аврелій философъ не пренебрегъ бы его безыскусственными доблестями, истекавшими изъ сердца, а не заимствованными отъ школъ. Подъ властью такого монарха невинности нечего было опасаться, а для личныхъ достоинствъ было открыто самое широкое поприще. Добродѣтели Іоанна были благотворны и ничѣмъ не запятанны. Это былъ самый лучший и самый великій изъ Комниновъ“ ¹⁾.

Не могъ бы Зонара написать занимающаго насъ комментарія и въ царствованіе императора Мануила Комнина: ибо хотя послѣдній мало занимался государственными дѣлами, былъ расточителенъ и сластолюбивъ, но тиранномъ не былъ ¹⁾.

Принимая во вниманіе представленныя доселѣ данныя, мы полагаемъ, что исторически *болѣе вѣроятно* относить канонико литературную дѣятельность Іоанна Зонары ко времени императора Алексія Комнина 1-го, нежели утвер-

¹⁾ Царствованіе Іоанна, гл. 12.

¹⁾ Гиббона V, 366, 381. Проф. А. И. Лебедева: Очерки исторіи византійско-восточной церкви стр. 149 и слѣд.

¹⁾ Тамъ же, стр. 152 и слѣд.

ждать, что „Зонара жилъ и писалъ *несомнѣнно* даже при Мануилѣ Комнина“.

Еще одно замѣчаніе. Книга г. Красножона производитъ впечатлѣніе книги сухой, безжизненной и потому весьма скучной. Конечно, причина этого заключается въ свойствѣ предмета изслѣдованія отчасти, а главнымъ образомъ въ характерѣ ее какъ *спеціально ученаго изслѣдованія*. Но намъ кажется почтеннымъ авторомъ сдѣлано нѣкоторое *опущеніе*, въ силу коего ученая сухость перевалила у него, какъ говорится, черезъ край. Имѣемъ въ виду, говоря это, его характеристики личностей и комментаторскихъ свойствъ Зонары, Аристина и Вальсамона. О каждомъ изъ сихъ лицъ авторъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія, подробно характеризуетъ комментаторскіе ихъ приемы, указываетъ достоинства и недостатки. Эти біографіи и эти характеристики *документально* — почти безукоризненны; вовсякомъ случаѣ вѣрны, основательны... но *совершенно безжизненны*. Біографіи напоминаютъ формулярные списки, а характеристики ученой дѣятельности—профессорскую аттестацію тружениковъ-схоластовъ. Зонара, Аристинъ, Вальсамонъ—не живыя личности, а автоматическія фігуры, монстры, которые только и проявляютъ жизнь свою въ томъ, что пишутъ комментаріи и отличаются одно отъ другаго только степенью учености. Отсюда и произошло, что Аристинъ очень хорошъ, Зонара еще лучше а Вальсамонъ — верхъ совершенства. Не натурально это, да и не совсѣмъ вѣрно. Почтеннымъ авторамъ *опущены* изъ виду: а, нравственный элементъ въ личности и дѣятельности описываемыхъ имъ комментаторовъ и б, историческая живая обстановка, при которой они работали. Вѣдь это были въ самомъ дѣлѣ не схоласты, писавшіе для того только, чтобы написать что нибудь, а практическіе дѣятели, вліявшіе и даже весьма замѣтно на жизнь и самая ихъ писательская дѣятельность такъ таки прямо и служила задачамъ ихъ практической дѣятельности, ихъ жизненнымъ стремленіямъ.

Однихъ „комментаріевъ“ не достаточно для полной характеристики Зонары: непременно нужно взять во вниманіе и его „хронику“. Только эти два, вмѣстѣ взятые произведенія его даютъ матеріалъ достаточный для вѣрной дѣятельности, живой, точной его характеристики. Въ нихъ

Зонара выступаетъ, какъ твердый, умный и честный государственный дѣятель, политикъ, глубокий юристъ, патриотъ, высоконравственный, благочестивый человекъ. Обаяніе его высоконравственной личности—фактъ историческій засвидѣтельствовавшій. Вальсамонъ не иначе относится къ нему, какъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ: „благородный Зонара“, „божественный Зонара“. Греческій пидалионъ его одного только изъ средневѣковыхъ толкователей называетъ „великимъ Зонароу“. Это былъ одинъ изъ немногихъ типовъ благородной но уже вымиравшей греческой націи.

Съ иными чертами нравственного и національнаго характера выступаетъ въ своихъ комментаріяхъ Вальсамонъ.

Этотъ „чистѣйшій гражданинъ Константинополя“ и „часть святѣйшаго престола Константинопольскаго благо потребнѣйшая“¹⁾—какъ рекомендуетъ онъ самъ себя, весьма выразительно выдаетъ себя представителемъ тѣхъ выродившихся грековъ, о которыхъ въ древней Руси сложилось типическое сужденіе: „льстиви суть греци“.

Вальсамонъ въ своихъ комментаріяхъ грубо льстилъ безграничному произволу византійскихъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ; этотъ безграничный произволъ онъ возвелъ даже въ своего рода каноническій принципъ. Наталкиваясь на самыя рѣзкія противорѣчія между канонами и частными императорскими опредѣленіями и распоряженіями, Вальсамонъ безъ всякаго стѣсненія говоритъ, что таковыя распоряженія дѣлаются императорами *по данной имъ власти свыше*. (Толков. къ 12 пр. IV Всел. соб.). Что жъ? Можетъ быть Вальсамонъ жилъ въ лучшую эпоху чѣмъ строгій Зонара? Можетъ быть въ его время престолъ Византіи украшали императоры несравненно лучшіе, чѣмъ напр. Алексій I Комнинъ? Небольшая историческая справка даетъ, къ сожалѣнію, совершенно иной отвѣтъ. Вотъ, напр. каковъ былъ, по изображенію Н. Хоніата, императоръ Андроникъ Комнинъ (1183—1185). „Сначала онъ приближается къ престолу въ качествѣ опокуна малолѣтняго императора Алексѣя, сына Мануила, и за тѣмъ преступленіями пролагаетъ путь къ престолу. Андроникъ вкрался въ довѣріе неразумительнаго византійскаго народа и, вмѣ-

1) Другое толкованіе къ 28 пр. IV Всел. соб.

стѣ съ этимъ довѣріемъ, похитилъ царскую корону. Одною изъ первыхъ жертвъ его жестокости была императрица Марія, жена Мануила: тираннъ настолькоъ былъ изобрѣтателемъ, что мучилъ несчастную женщину предъ смертью и заставилъ сына ея, малолѣтка Алексѣя, подписать смертный приговоръ матери. За нею слѣдовала очередь ея безпомощнаго сына, не смотря на то, что Андроникъ торжественно клялся, что будетъ заботиться о благѣ малолѣтняго императора. Несчастнаго юношу задушили тетивой ночью и Андроникъ съ презрѣніемъ попирая трупъ ногами, приказалъ отрубить у него голову, представить ее себѣ и, отмѣтивъ императорскою печатью, велѣлъ бросить голову въ одно, а трупъ въ другое мѣсто. Съ юной женой Алексѣя, съ которою этотъ послѣдній вступилъ въ бракъ лишь фиктивно, Андроникъ престарѣлый, сторбившійся, износившійся, хилый не постыдился насильственно вступить въ бракъ. Но странный этотъ бракъ не уцѣломудрилъ Андроника.... Часто оставлялъ онъ столицу и съ толпою блудницъ проводилъ время въ уединенныхъ мѣстахъ; любилъ выбирать въ этомъ случаѣ поэтическія природныя пещеры въ горахъ и прохладныя рощи, и водилъ съ собою любовницъ, какъ пѣтухъ—куръ или козелъ козъ на пастбищѣ. Нѣгу и роскошь онъ любилъ подобно Сардананалу, написавшему на своей могилѣ: „я имѣю только то, что я ѣлъ и студодѣйствовалъ“.... вмѣстѣ съ тѣмъ Андроникъ отличался крайнею жестокостью: „День, когда онъ возвращался въ Византію отъ своихъ безумныхъ оргій, на островахъ Пропонтиды былъ самымъ несчастнымъ днемъ. Казалось ни съ чѣмъ другимъ возвращался онъ, какъ только съ тѣмъ чтобы губить и рѣзать людей.... Будучи до глубины души проникнутъ жестокостью, этотъ человѣкъ считалъ погибшимъ тотъ день, когда онъ не ослѣпилъ кого нибудь..... Вообще Андроникъ походилъ на сфинкса, будучи отчасти звѣремъ, украшеннымъ все же лицомъ человѣческимъ, не совсѣмъ онъ пересталъ быть человѣкомъ“¹⁾.

Императоръ Исаакъ Ангелъ (1185—1195), при которомъ Вальсамонъ находился въ апогеѣ своей славы, все время проводилъ въ пиршествахъ. „Всѣ мысли свои онъ погру-

1) *Н. Хоніата*, Царств. Андроника, гл. 13.

жалъ въ опорожнявасмые имъ блюда. Самыми обычными гостями за соломоновскими его обѣдами были нѣкоторые испорченные монахи. Это были люди въ насмѣшку надъ собой принявшіе иноческій образъ.... Эти пиршества называли соломоновскими за то, что они представляли цѣлыя горы хлѣбовъ, царство звѣрей (по множеству мясныхъ снѣдѣй), море рыбъ и океанъ вина. Иногда эти пиры сопровождались самыми дикими, варварскими развлеченіями. Когда однажды пошла самая жаркая осада блудъ во дворцѣ, Исаакъ въ видѣ веселаго эпизода или въ видѣ десерта приказалъ подать голову одного убитаго возмутителя Враны: ее принесли съ искаженнымъ ртомъ, съ закрывшимися глазами, бросили на полъ, и, какъ мячъ, начали дротиками перекидывать изъ стороны въ сторону въ разныхъ направленіяхъ.... Другія пріятныя занятія императора состояли въ слѣдующемъ: онъ увѣшивался разными одеждами, какъ корабль съ галантерейными товарами, завивался, наряжался подобно павлину. Онъ не позволялъ себѣ надѣвать одного и того же платья дважды. Любя забавы и услаждаясь пѣснями нѣжной музы, императоръ наполнилъ дворецъ шутами и карликами, раскрывалъ широко двери для всякихъ комедіантовъ и скомороховъ. Все это сопровождалось пьянствомъ и наглымъ сладострастіемъ“.

Какъ и большая часть византійскихъ императоровъ Исаакъ былъ религиозенъ и принималъ самое близкое участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія или точнѣе — и здѣсь проявлялъ свой произволъ развѣ не много менѣе, чѣмъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. Изъ его дѣятельности въ этой области историки указываютъ на какую то странную его *любовь смѣнять патріарховъ*; въ теченіи своего кратковременнаго царствованія онъ смѣнилъ слѣдующихъ патріарховъ: Василія Коматира, Никиту Мунтона, Леонтія и наконецъ—правда по настоянію народа — Досіеоя. Всѣ они, за исключеніемъ послѣдняго, были люди достойные.

Что же могло Вальсамона побудить къ лести такимъ императорамъ? Нѣкоторымъ объясненіемъ этого можетъ служить, кажется, слѣдующій рассказъ Н. Хоніата изъ жизни Исаака Ангела и Вальсамона: „Осрамивъ патріарха Леонтія, Исаакъ рѣшился разыграть цѣлую драму и на вселен-

ское предстоительство возвести іерусалимскаго патріарха Досиея. *Зная, что церковные каноны этого не дозволяютъ*, императоръ лукаво обратился къ занимавшему въ то время патріаршій престолъ града Божія Великой Антіохіи Θεодору Вальсамону, знаменитѣйшему изъ всѣхъ тогдашнихъ законовѣдовъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ на единѣ, онъ притворился горюющимъ о томъ, будто церковь такъ оскудѣла въ людяхъ благочестивыхъ и разумныхъ, и монашескія доблести стали такъ рѣдки и не замѣтны, что уже нѣтъ по прежнему такого свѣтила, которое бы какъ солнце имѣло постоянство въ своемъ движеніи, или человѣка, который бы могъ сѣсть у кормила священнаго престола — и твердою рукою направлять путь всего сонма вѣрующихъ. Печально выставивъ на видъ и другія подобныя наблюденія, царь прибавилъ: „развѣ только ты, многосвѣтлос свѣтило, возсіяешь на высотѣ сего патріаршаго престола, направишь вѣрно путь христіанскаго народа и приведешь церкви и монастыри въ надлежащее состояніе; я бы и очень хотѣлъ перевести тебя изъ антiохійской церкви на сей вселенскій и высокій престолъ, но удерживался только потому, что подобныя перемѣщенія *издревль воспрещены канонами* и считаются противорѣчущими церковнымъ законоположеніямъ. А если бы Θεодоръ, какъ досконально изучившій законы и каноны, могъ доказать, что такое перемѣщеніе какъ прежде когда нибудь имѣло мѣсто, такъ можетъ быть умѣстно и теперь, и сдумѣлъ бы склонить на это мысли большинства, то онъ, царь, счелъ бы такое дѣло истинною находкою для себя и немедленно, безъ всякихъ разбирательствъ, распорядился бы его производствомъ“. Такимъ то образомъ подступилъ царь къ Θεодору Антіохійскому и *тотъ нашелъ, что все это очень можно уладить*. На другой же день начались собранія архіереевъ по разнымъ священнымъ палатамъ, соборы, розысканія о перемѣщеніяхъ; тотчасъ все было разрѣшено; послѣдовало опредѣленіе съ изъявленіемъ императорскаго соизволенія и—Θеодоръ Антіохійскій по прежнему остался антiохійскимъ: на Константинопольскую кафедру былъ переведенъ съ іерусалимской Досиеей при такой пышной и многлюдной процессіи, что она не уступала царскимъ триумфамъ, а архі-

ереи, омороченные и понапрасну нарушившіе каноны, только разинули рты отъ изумленія“ ¹⁾).

Какъ видно отсюда, Вальсамонъ превзошелъ ожиданія Исаака Ангела, когда доказалъ, что нѣтъ отступленія отъ каноновъ и тамъ, гдѣ самъ Исаакъ и всѣ современники видѣли таковое отступленіе. Памятникомъ такого рода законоистолковательной дѣятельности Вальсамона доселѣ остается „другое толкованіе“ его къ 14 прав. Св. Апостоловъ.

Можетъ быть болѣе подробныя историческія справки указали бы подобныя же мотивы и источники и для иныхъ толкованій Вальсамона.

Н. Заозерскій.

¹⁾ Н. Хоніата, Царств. Исаака Ангела, II, 4.